

науку для опережающего обновления основ организации социоприродной жизнедеятельности общества, это гармоничное сочетание естественной эволюции

и опережающего участия человеческого разума в предотвращении катастрофических социоприродных трансформаций.

Литература

1. Casti J. Would-be Worlds: How simulations is changing the frontiers of science. N.Y., 1997.

Л.С. Сысоева

К.Р. ПОППЕР, Ф.А. ХАЙЕК, ДЖ. СОРОС: ТРИ ВЗГЛЯДА НА ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Томский государственный педагогический университет

Сам термин и разграничение обществ на закрытые и открытые был введен А. Бергсоном еще в 1932 г. в книге «Два источника морали и религии», где под закрытым обществом понималось общество табуированной племенной морали и религии, а под открытым – динамическое общество, развиваемое великими моральными героями и религиозными деятелями. Лишь в открытом обществе возможна дальнейшая эволюция человечества, осуществление самого «жизненного порыва».

Теоретическая разработка теории открытого общества принадлежит К.Р. Попперу в книге «Открытое общество и его враги», изданной еще в 1945 г. Именно через «врагов» открытого общества (в этом ряду не только Платон, но и все историцисты, ставящие перед обществом определенную, заведомо сформулированную конкретную цель – построение царства Божия на земле, общества чистой расы, коммунистического бесклассового общества) Поппер строит теорию открытого общества. В условиях существования коммунистической альтернативы теория открытого общества и строилась на основе его противопоставления социологическому детерминизму К. Маркса. Поппер критикует теорию марксизма за то, что он основывает историцистский (пророческий) прогноз на утверждении неспособности индустриальной системы к дальнейшему функционированию без применения методов коллективистского планирования. Построение планового безрыночного общества требует уничтожения класса собственников при помощи диктатуры пролетариата, т.е. путем создания тоталитарных форм организации жизни (см.: [1, т. 2, с. 97]). В противоположность обществу, следующему доктрине власти диктаторского господства и подчинения закрытого общества, Поппер называет открытым общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения [1, т. 1, с. 118].

Поппер – сторонник социальной инженерии – не задает вопросов об исторических тенденциях или предназначении. Он отстаивает позицию разумного влияния на исторические события, выбирая цели,

подобно тому, как мы создаем новые идеи, новые произведения искусства, новые дома или новую технику. Метод социальной инженерии состоит в отборе фактической информации, необходимой для построения или изменения социальных институтов в соответствии с нашими целями. Социальная инженерия – это та социальная технология, на основе которой реформируются институты общественной жизни в соответствии с нашим пониманием, не исключая метода проб и ошибок, а не та, которая руководствуется пророчеством о неизменной тенденции. Постепенная поэтапная социальная технология строится на понимании общественных институтов как средств, обслуживающих определенное целесообразное их назначение. Она исключает такие историцистские понятия, как «требования Бога», «веление судьбы», «историческая необходимость» [1, т. 1, с. 5].

Поскольку Маркс исключал социальную технологию из методов воплощения его коммунистической доктрины, то Ленину пришлось экспериментировать «на ходу», вводя то военный коммунизм, то новую экономическую политику, от которой потом отказались приверженцы доктрины чистого социализма. Поясняя принципы социальной технологии, основанной на целесообразной человеческой деятельности, Поппер говорит о том, что социальные институты, которые оказываются таковыми, возникают не прямым путем как точно запланированные. Нет, говорит Поппер, большинство из них постепенно «выросло». Поэтому нельзя уповать только на царство экономической необходимости, а надо по достоинству оценивать царство человеческой свободы. Однако Поппер оговаривается, что абсолютная свобода – это произвол. В открытом обществе свобода каждого защищена законом, которым ограничена свобода государства. В правовом государстве никто не должен жить за счет милосердия других, но все должны иметь право на защиту со стороны государства, а потому государственное регулирование, институт защиты экономически слабых от экономически сильных не противоречат принципам открытого общества. Законодательно неограниченный капитализм

необходимо ставить под контроль политической власти, которая должна служить человеческой свободе, а не сбрасывать ее со счетов. Самой правильной формой открытого общества Поппер считал демократию, а она предполагает контроль за государством со стороны управляемых. Сила открытого общества заключается в создании институтов демократического контроля за экономической властью, которые одновременно являлись бы институтами защиты граждан от экономической эксплуатации.

С точки зрения принципов открытого общества, плоха всякая власть, не ограниченная законом. Государству нельзя отдавать больше власти, чем это требуется для защиты свободы. Главным вопросом в открытом обществе является не извечный рефрен «Кто будет нами править?». Необходимо защищаться от власти правителей, а потому и ставить вопрос по-другому: как мы можем укротить их? Поппер справедливо указывает, что если мы не будем разумно совершенствовать общество (на технологиях ненасилия), то безумно было бы надеяться на иррациональные силы истории. Следовательно, политическое вмешательство в экономику, моральные факторы, социальная технология конструирования социальных институтов – вот тот путь, по которому должно идти открытое общество. Но от этого история не становится более предсказуемой. Отвечая на поставленный перед собой вопрос «Имеет ли история какой-нибудь смысл?», Поппер отвечает, что только тот, который мы ей придадим сами (см.: [1, т. 2, с. 299–322]). Историю спланировать невозможно, но общественные институты планировать можно, и они действительно планируются. «Только планируя шаг за шагом общественные институты для защиты свободы, особенно свободы от эксплуатации, мы можем надеяться достичь лучшего мира», – заключает К. Поппер [1, т. 2, с. 168].

Проблемам критики закрытого общества с его тотальным экономическим планированием и коллективистскими приоритетами перед свободой индивидуализма посвящены многочисленные работы Фридриха фон Хайека (1899–1992), из которых в России переведены «Дорога к рабству» (1951, рус. изд. 1991) [2], «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1978, рус. изд. 1992) [3], «Индивидуализм и экономический порядок» (М., 2000). Его задачей было показать, почему интеллектуальное марксистское учение, завладевшее многими умами, грозит гибелью гуманистическим основам цивилизации. Хайек аргументированно доказал, что общество, базирующееся на институте частной собственности, где высшей ценностью является свобода личности, более соответствует человеческим желаниям. Еще в начале своих исследований Хайек назвал социализм, подобно Достоевскому в «Бесах» [4], дорогой к рабству. На противопоставлении коллективизма индивидуализму и его предпочтении, – говорит Хайек, – вырос

«контррenessанс» национал-социализма и социалистического тоталитаризма в советской России. Если К. Поппер противопоставляет идее социализма и вытекающим из нее последствиям тоталитарного общества философию открытого общества, то Ф. фон Хайек – общество расширенного порядка, рыночное общество, которое возникает не в результате воплощения сознательного замысла или намерения человека, а спонтанно. В отличие от идеи Маркса с его учением об общественно-экономических формациях, последовательно выстраивающихся одна за другой и венчающихся коммунистической, Хайек доказывает, что ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как процесс бессознательной самоорганизации. Развивая теорию культурной эволюции, отличную от рационалистически детерминированной, Хайек пишет, что любая эволюция, будь то культурная или биологическая, все же представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам, к непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. В этом состоит еще одна причина, почему эволюционная теория в принципе не может позволить нам рационально прогнозировать и контролировать будущую эволюцию (см.: [3, с. 48]). Это значит, что «незыблемые законы исторического развития» [3, с. 48] не существуют. «Философы, вслед за Марксом или Огюстом Контом утверждающие, что наши исследования могут привести к установлению законов эволюции, позволяющих предвидеть неизбежные будущие изменения, заблуждаются» [3, с. 49]. Хайек называет пагубной самонадеянностью убеждения, что человек способен «лепить» окружающий мир в соответствии со своими желаниями, что в целом отвергает и теорию социальной инженерии открытого общества К. Поппера.

Рассматривая взгляды целой плеяды ученых, в том числе и великих (А. Эйнштейна, Н. Бора, Дж. Бернала и мн. др.), которые считали, что «разум человека в состоянии найти способ распределения столь же эффективный, как способ производства» [3, с. 104], Хайек считает их точку зрения «рецептом для изготовления самонадеянного рационализма», который обозначен им как «сциентизм и конструктивизм» [3, с. 106]. Он заключается в конструировании новой морали на основе научного знания – обычно этой новой моралью оказывается мораль социалистическая» [3, с. 108]. Хайек доказывает, что социалистическая мораль (тоталитарная) не такова, и только те всеобщие и абстрактные правила, которые человек должен учитывать, принимая индивидуальные решения ради достижения индивидуальных целей, заслуживают, чтобы их называли нравственными. Цель социализма состоит ни больше ни меньше как в том, чтобы полностью перестроить наши традиционные нормы морали, права и языка и на этом основании

искоренить прежний порядок и якобы жесткое, ничем не оправданное положение, мешающее воцарению разума, самореализации, истинной свободы и справедливости. В книге «Пагубная самонадеянность» развивается концепция, согласно которой «нельзя полностью понять, в чем суть традиционных нравственных норм и как они действуют; что следование им не служит никакой цели, точно определенной заранее; что соблюдение их приводит к последствиям, не наблюдаемым непосредственно, из-за чего благотворность этих последствий не устанавливается заранее, и их невозможно полностью знать или предвидеть ни при каких условиях» [3, с. 124]. Традиционные практики морали обычно складывались в рыночном порядке и создавали его, поскольку в институтах расширенного порядка это безличный процесс и индивиды не знают и не могут знать, каков будет конечный результат их коммуникативности. Усиливая свои рассуждения об эволюционном, трансцендентном упорядочении жизни, Хайек отрицает, что ум или воля кого-то одного (например всеведущего Господа) в состоянии осуществлять контроль или устанавливать порядок. Это характерно для любых форм антропоморфизма, анимизма, а также и социализма. Принципы Хайека, предлагаемые в этой книге, направлены против долгосрочных предвидений и пророчеств и осуждают бесплодие попытки придать справедливый характер ситуации, исход которой по самой своей природе не может быть предрешен ничьими действиями или знаниями. «Эволюция не может быть справедливой», – таков весьма неизбитый и ранее нам не известный взгляд на развитие цивилизации и культуры.

Хайек подробно дает описание процесса эволюционной адаптации в рыночной системе совершенно не по Марксу, а представляет его как культурно-исторический процесс адаптивно-спонтанного характера, и «сознательно спланированной замены такому самоупорядочивающемуся процессу приспособления к неизвестному быть не может» [3, с. 134]. Он существует только как процесс гибкого рассредоточения ресурсов множества индивидов, обладающих свободой личности при индивидуализированной собственности. Рационалисты марксова (социалистического) типа были убеждены, что централизованная плановая экономика обеспечит не только социальную справедливость, но и более эффективное использование экономических ресурсов до тех пор, пока не стал очевиден экономический провал восточноевропейского социализма. Более того, ретроспективно выяснилось, что контроль посредством индивидуализированной собственности приводит к выработке и использованию большего количества информации, чем это возможно при централизованном управлении. Марксисты, – считает Хайек, – внесли в сохранение анимистического мышления наибольший вклад, несмотря на то, что боролись с религией. «Во-

ображая, будто любой порядок возникает в результате воплощения чьего-либо сознательного замысла, социалисты делают вывод, что человеческий порядок мог бы быть улучшен, создай некий высший разум более совершенный его проект» [3, с. 187–188]. Главным образом мы обязаны Марксу подменой термина «общество» термином «государство» и персонификацией его, приписывая ему волю, намерения или сознательные замыслы, что исподволь превращается в предписания. В естественноисторическом процессе общества расширенного порядка с его диверсификацией и специализацией труда возникают новые возможности занятости населения и, таким образом, появление пролетариата. Автор этой концепции в совершенно другом смысле интерпретирует дилемму «капитализм – пролетариат»: Карл Маркс прав, что капитализм создал пролетариат: он дал и дает ему жизнь (см.: [3, с. 212]). Экстраполируя этот взгляд на современность, Хайек небезосновательно утверждает, что коммунистические страны голодали бы и сейчас, если бы государства частной собственности не оказались в состоянии прокормить население земного шара.

В работе [2] обстоятельно доказывается, что преобладавшая в те годы тенденция к планированию всей экономики угрожала гибели всей построенной в мире цивилизации. И далее Ф. Хайек дает развернутую аргументацию другой точке зрения, которую он отстаивает, а именно: высшей ценностью является свобода личности, базирующаяся на институте частной собственности. Хайек не употребляет понятий «открытое» и «закрытое» общество, как это делает К. Поппер. Вместо них он пишет о либеральном и тоталитарном обществах, следуя контексту, во многом синонимичному вышеназванной дилемме. Отступление от либеральных принципов в первую очередь экономики характерно коммунистическому режиму России и национал-социализму в Германии, что стало понятным многим. Хайек доказывает, что трагедия Германии произрастает не из особого прусского духа, а из преобладания социалистических взглядов, роднящих Германию с Италией и Россией, тем более что национал-социализм и фашизм поднялись не из привилегированных классов, а из гущи народных масс. И хотя двое из крупных мыслителей XIX в. А. де Токвиль и лорд Актон предупреждали, что социализм с его тотальным планированием, коллективизмом, откатом и отказом от принципов либерализма означает рабство, тенденция сохранялась. Именно «зацикленность» на всеобщей плановой организации общества и централизованном управлении власти экономикой уводит от тех принципов свободной индивидуальной деятельности, каковыми являлись уважение к личности, признание приоритета взглядов и пристрастий каждого в его сфере деятельности, убеждение в желательности развития индивидуальных дарований и наклонностей в ли-

беральном обществе. Индивидуально-личностный подход в деятельности, сложившийся в эпоху Возрождения, разросся в то, что потом получило название западноевропейской цивилизации с установкой *Laissez-faire* (досл. – делай что хочешь), означавшей принцип невмешательства государства в экономические отношения. Основным понятием, которое приобрело в течение длительного периода либерального индивидуализма все большую и большую важность, было «терпимость», пришедшее в упадок и окончательно исчезнувшее вместе с появлением тоталитарных режимов, закрытых идеями всеобщего контроля экономической деятельности. Хайек противопоставляет идеи либеральной и тоталитарной цивилизаций, как другие теоретики идеи открытого и закрытого обществ, хотя эти понятия не употребляет. Основные принципы либерализма базировались на отсутствии застывших, жестких, раз навсегда установленных правил, использовании стихийных сил, ограничении принуждения и пользы свободы промышленности и не подвергались сомнению. «Согласно господствующим теперь тенденциям, – пишет Хайек, – вопрос уже не в том, как наилучшим образом использовать стихийные силы, таящиеся в недрах свободного общества» [2, с. 187]. Фактически решено вообще обойтись без сил, приводящих к непредусмотренным результатам, и заменить безличный механизм рыночной экономики коллективным и сознательным руководством, направляющим все силы к сознательно избираемым целям. Вследствие этого Хайек иронически замечает, что нет ничего более противоположного свободе, чем принцип «планирования во имя свободы», который лежал в основании доктрины марксизма.

Вытесняя принципы либерализма социализмом, уже французские философы и политические деятели понимали, что принципы, лежащие в основе социализма, можно провести в жизнь только диктаторским путем. Это должна быть сильная диктатура насильственно установленной духовной власти, основанной на методах иерархического принуждения. А предтеча нынешних сторонников планирования Сен-Симон даже предсказывал, что с теми, кто не подчинится распоряжениям придуманных им планирующих органов (советов), будут «обходиться как со скотом» [2, с. 188]. Воистину пророческое предвидение, позднее реально описанное А.И. Солженицыным, как не подчинившихся развозили по островам архипелага ГУЛАГ в стольпинских вагонах, предназначенных для перевозки скота. Для противопоставления по духу и по сути двух фундаментов построения общественных систем А. де Токвиль, уже тогда наиболее полно понимавший их расхождение, представлял одну систему демократической, признающей высочайшую ценность каждого отдельного человека, вторую как социализм, превращающий каждого человека в простое орудие, в цифру.

Демократия (открытое общество) и социализм (закрытое общество) не имеют ничего общего между собой, кроме одного слова «равенство». Однако и тут есть существенные различия: демократия стремится к равенству в свободе, тогда как социализм – к равенству в принуждении и рабстве [2, с. 188]. Требование равенства в обществе, коммуникативность которого строилась бы на единой запланированной цели общественной собственности и безрыночной экономики под контролем (принуждением) диктатуры пролетариата, оставалась в границах равного распределения материальных благ. Национализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства как составные части построения бесклассового общества строятся на жестокости, несправедливости, аморальности, антидемократичности, поскольку не учитывают интересы индивидуальности, оберегаемые формальным правом. Социальная коммуникативность, построенная на диктатуре власти, характеризуется беспощадной борьбой за власть и ведет к ожесточенной гражданской войне – предупреждал еще У. Чемберлин, находящийся 12 лет в России в качестве корреспондента. Он прогнозировал то, что прямо противоположно утопическим характеристикам Герберта Уэллса.

Коммуникативность, основанная на принудительной организации деятельности, усиление организованного руководства приводит к единообразию вместо разнообразия. Такова расплата за предпочтение планового общества и авторитарного принципа организации человеческой деятельности, по наблюдениям доктора Уолтера Липпманна, которые приводит Ф. Хайек на страницах своей книги. Стремление воплотить в жизнь историческую марксистскую доктрину повело Россию по тоталитарному, запретительному, пути внеэкономической несвободы и того же иерархического неравенства, по которому шла Германия. Сравнивая фашизм и коммунизм, сторонники либеральной демократической коммуникативности определяют фашизм как стадию, достигаемую после того, как коммунизм оказался иллюзией, что стало понятно еще в догитлеровской Германии. На последствия соблазна регламентации экономики указывал еще А. Смит, поскольку коллективизм и планирование, чтобы удержаться, должны прибегать к угнетению и произволу. В отличие от руководства экономической деятельностью в соответствии с единым планом, либералы (демократы) выступают за то, чтобы предоставить обстоятельствам развиваться самим по себе, за использование конкуренции для координации (коммуникативности) человеческой деятельности. Они убеждены, что эффективная конкуренция является лучшим средством организации человеческой деятельности, оптимальным средством взаимной координации индивидуальных действий без принуждения или произвольного вмешательства властей. «Конкуренция позволяет обойтись без “со-

знательного контроля” и дает возможность самому решить, оправдывает ли потенциальная прибыль того или иного предприятия связанные с ним неудобства и риск», – пишет Хайек [2, с. 193].

Общество, построенное на конкурентной коммуникативности, обходится государственным правовым регулированием в вопросах, непосильных отдельному предпринимателю. Мы не раз сталкивались с теорией, оказавшейся мифом, что самые новые технологии ведут к устранению конкуренции и неизбежности планирования, в том числе в марксизме. В подтверждение правильности слова «миф» сошлемся на теоретиков новой технологии – Д. Белла, А. Тоффлера, В.А. Иноземцева, Дж. Сороса, которые говорят не о тотальном планировании, а, наоборот, о децентрализации, демассовизации, дестандартизации и т.д. В условиях конкурентной коммуникативности таким координирующим органом оказывается система цен. Современная цивилизация складывалась под воздействием разделения труда, которое не пришлось создавать сознательно. Эволюция этого процесса продвинула его значительно дальше тех процессов, которые можно было сознательно спланировать.

Коллективистские системы, принципом которых является сознательная организация производительных сил с целью достижения определенной поставленной цели перед обществом, можно по-попперовски назвать закрытым обществом (обществом, закрытым определенно поставленной целью). Такое общество ведет не только к контролю в экономической деятельности. «Руководство нашей жизнью по единому плану подразумевает, что каждой нашей потребности отведен соответствующий разряд в системе ценностей настолько полный, что плановые органы могли решать, какой выбрать курс действий; иначе говоря, речь идет о всеобъемлющем этическом кодексе, в котором отведено должное место всем многообразным человеческим ценностям» [2, с. 202]. Таким образом, коллективистское общество закрыто директивным планированием вплоть до этического кодекса, где собственный личностный выбор закрыт общественной точкой зрения на то, как надо поступать.

Это напрямую противоречит общецивилизационной тенденции сужения сферы моральных предписаний, в которых действия индивидуума ограничивались бы раз навсегда установленными правилами, что означало бы возврат к табуированному обществу. В современном обществе «расширенного порядка» ни один ум не мог бы вообразить все возможные варианты выбора и выработать такую всеобъемлющую шкалу ценностей. В то же время в свободном (открытом) обществе человек каждый раз вырабатывает свою точку зрения на ту или иную ситуацию, исходя из некоторой утвердившейся шкалы общечеловеческих ценностей, внутри которой вырабатывается и индивидуальная. Но в обществе коллективистского плана для согласования коммуникативных действий

индивидов общество переходит к прямому контролю и принуждению властей, которым переданы полномочия решать, что необходимо индивиду, т.е. свобода личности подавляется, а «контроль» принимает характер произвольных решений.

Государство, разумеется, имеет полномочия согласования целей, но выбранных самим индивидом, как это бывает в демократическом обществе. Речь идет о правовом государстве, где верховным авторитетом является формальное право, гарантирующее равенство перед законом, и отсутствуют юридические привилегии для отдельных, выделенных властями лиц. Это прямо противоположно диктаторскому государству, берущему на себя право управления экономикой. Вместе с тем управление экономикой означает координирование всех целей индивидов, поскольку не бывает чисто экономических мотивов личности; они лишь условия для достижения других, заранее не установленных целей. Следовательно, экономический контроль – это контроль над всеми мотивами коммуникативных действий, которые обеспечивают деньги как условие обретения свободы. А значит, свобода всех коммуникативных действий оказывается иллюзией.

Остановимся еще раз на логике рассуждений Ф. Хайека и поймем, почему экономический контроль (контроль за мерой труда и мерой потребления, как у Ленина) – это вовсе не контроль одной из областей человеческой жизни, никак не связанных с остальными. Это контроль над средствами достижения всех целей человека, потому что тот, кто обладает властью над средствами достижения целей, располагает властью и над самими целями, над тем, во что индивиду верить и к чему стремиться. Это и называется дорогой к рабству: все во власти тех, кто властью устанавливает иерархию важности и сущности тех или иных потребностей человека.

Вышеназванные теории открытого общества К. Поппера и социальной эволюции свободной конкуренции Ф. фон Хайека развивались в условиях существовавшей коммунистической альтернативы. В условиях же современного развития, названного процессом глобализации, исчезновения альтернативной коммунистической супердержавы, теория открытого общества, развиваемая далее, изменяется. Ее дальнейшее развитие принадлежит Дж. Соросу, в теории которого, развернутой в многочисленных книгах и опубликованных докладах, открытое общество предстает как идеал современной глобальной цивилизации.

Дж. Сорос по-прежнему признает, что важнейшей составляющей открытого общества наряду с рыночной экономикой является представительная демократия. В новых условиях глобализации мировой экономики сама рыночная экономика нуждается в коррекции. Пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что луч-

шим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к личному благу и невмешательство властей. По этому поводу уже писал Хайек: «Даже если сама по себе такая власть неплоха, можно предположить, что ее реализация препятствует функционированию тех спонтанно упорядочивающих сил, на которые человек фактически столь прочно опирается при достижении своих целей, даже не понимая природы этих сил» [5, с. 175]. «Это ложная вера, – пишет Дж. Сорос, – и тем не менее она приобрела много последователей. Именно она является помехой на пути к нашей цели – глобальному открытому обществу. Мы очень близки к этой цели, однако не сможем достичь ее, если не осознаем ошибочности рыночного фундаментализма и не устраним несоответствия между экономической организацией мира и ее политической организацией» [6, с. 171]. Рыночный фундаментализм подобен ньютоновской статике равновесия и в условиях мировой экономики может привести к нестабильности, создавая нестабильность финансовых рынков и подрывая «совершенство» самой рыночной экономики в погоне за эффективностью прибыли.

В новых условиях появилась потребность уточнить само понятие «открытое общество», поскольку оно строилось на антитезе закрытому в условиях существования коммунистических режимов. Казалось бы, с исчезновением альтернатив закрытого общества, открытое общество должно было стать мировой тенденцией. Однако Россия, отказавшись от своей коммунистической альтернативы, отнюдь не стала открытым обществом с его ценностями демократии и благосостояния народа. Напротив, в ней возникла система грабительского, преступного, или олигархического, капитализма, основанного на передаче национальной собственности в руки коррумпированных с правительственными кругами «олигархов». В то же время Запад, потерявший интерес к России с падением ее статуса второй, равной США, супердержавы, не помог вмиг обнищавшей России стать открытым обществом. Тем не менее, хотя интерес к открытому обществу как универсальной идее потерял свою остроту вследствие поражения универсальной идеи, какой была идея коммунизма, проблема открытого общества требует своего переосмысления и уточнения в новой ситуации. Если в «золотой век» капитализма доктрина Ф. Хайека *Laissez-faire capitalism*, т.е. доктрина невмешательства государства в экономику и стремления ничем не ограниченного преследования индивидуумом своекорыстных интересов, имела полные права на существование, то сейчас в условиях глобализации она страдает чрезмерным индивидуализмом, а потому должна быть скорректирована признанием общих интересов. Сама же конкуренция – это не идеальное состояние общества, а лишь выработанный социальной коммуникативностью механизм для усвоения рассредоточенной ин-

формации. По этому поводу Дж. Сорос вполне объективно замечает: «Сохранение рыночных механизмов само по себе отнюдь не является предметом общего интереса. Участники рынка конкурируют не потому, что стремятся сохранить сам дух конкуренции, а исключительно чтобы победить. Если бы это было в их власти, они бы покончили с конкуренцией раз и навсегда» [6, с. 13].

К современному миру неприменима идея рыночного равновесия, поскольку она таит угрозу для открытого общества в трех аспектах: экономической стабильности, социальной справедливости и международных отношений. Когда рыночный механизм расширяет безгранично сферу своего действия, он становится нестабильным. «В глобальном открытом обществе с таким многообразием культур, религий и традиций трудно найти общую почву. Принимая своекорыстный интерес в качестве главного принципа, идеология невмешательства игнорирует пороки и нестабильность, присущие всеобъемлющей рыночной ориентации» [7, с. 17]. Культ успеха в бизнесе вытеснил веру в принципы, в основополагающие ценности, поэтому почва под таким обществом колеблется, утрачиваются критерии хорошего и плохого. Следовательно, принцип невмешательства корректируется, поскольку неравенство может стать нестерпимым, а это чревато апелляцией к тоталитарным режимам.

Другой контраргумент к доктрине невмешательства вырастает из ее опоры на принцип естественного отбора, эволюцию, в которой выживает сильнейший. Такая доктрина чревата социальным дарвинизмом, который давно скомпрометировал себя в анализе общественных процессов. Взаимодействия в экономике, особенно сейчас, приобретают более сложный характер, где конкуренция предполагает и сотрудничество, корпоративность, альянс во имя общих интересов. Примером такого содружества и альянса являются страны Евросоюза. Дж. Сорос делает вывод о том, что идеология невмешательства не совместима с концепцией глобального открытого общества, так как не вырабатывает целенаправленных усилий по его созданию.

Определяя открытое общество, Дж. Сорос называет его обществом, открытым улучшениям, к которым стремится человек, принимая на себя презумпцию собственной погрешности. С учетом этого несовершенное может быть улучшено, в том числе путем проб и ошибок. Это соответствует сущности открытого общества, потому что его открытость допускает такой процесс, «отстаивая свободу выражения и сохраняя инакомыслие» [7, с. 25]. Россия не вступила в этап становления открытого общества, потому что, сломав старый миропорядок, основанный на идее коммунизма, новый еще сложить не смогла. Россия пока пребывает в границах того «грабительского капитализма», о котором говорилось

выше. Та концепция сверхдержавы, на которую претендуют США, есть утопическая идея, так как не соответствует открытому обществу. Оно может быть основано на идеях демократического союза, корпоративности и содружества открытых обществ, при-

мером которых может служить Евросоюз. Идея демократического союза открытых обществ не может быть основана на приоритетах национальных интересов сверхдержавы, которые демонстрируют миру США.

Литература

1. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.
2. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7.
3. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974.
5. Хайек Ф.А. Претензия знания // Вопр. философии. 2003. № 1.
6. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
7. Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997.

В.И. Гидиринский

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ИДЕИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Московский гуманитарный университет им. Е. Дашковой

Русские философы исследовали и философски осмысливали историю России в контексте всемирной истории человечества, акцентируя особое внимание на проблеме «Восток – Запад», в чем и состоит существенный аспект специфики русской философии истории, но основные слагаемые и качественные характеристики философии истории России могут быть условно сведены к одной многосторонней, магистральной проблеме – проблеме «русской идеи».

Н.А. Бердяев определял русскую идею как *основную проблему русской теоретической мысли и публицистики*. «Русская мысль, – писал он в «Русской идее», – русские искания начала XIX и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа» [1, с. 266].

И.А. Ильин, солидаризируясь, по сути, с Бердяевым, подчеркнул в статье «О русской идее», что «она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России» [2, с. 331]. В этой же статье Ильин определяет главное в русской идее: она выражает «русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание», а также «... указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...». Русская идея, по Ильину, – это *творческая идея России* [2, с. 322] (выделено нами. – В.Г.).

Эта важная и многосторонняя проблема, весьма актуальная для современной России, заслуживает спе-

циального рассмотрения, чем и занимаются сегодня некоторые ученые и публицисты (см., напр.: [3]).

Коротко скажем о дискуссии вокруг проблемы «русской идеи». Посвятив специальную главу спорам по этой проблеме в российской философии XX в., профессор Н.В. Мотрошилова, предваряя оценку этих споров, пишет: «“Русская идея” – понятие, с помощью которого можно, следуя за философами XIX–XX столетий, объединить целую группу тем и проблем, идейных течений и направлений дискуссий, которые в немалой степени определили картину развития российской культуры, в частности и в особенности философии»¹ [4, с. 301].

Чтобы объяснить причину столь острой полемики по данной проблеме, поставим обобщенно ряд вопросов, ответ на которые, видимо, волнует многих. Корректно ли *специально* писать и говорить о «русской идее» в такой многонациональной и многоконфессиональной (ведь в «русской идее» духовным стержнем является православие) стране, как Россия? Не усилит ли этот акцент сепаратистские тенденции в нашем Отечестве? Соотносима ли постановка проблем патриотизма, исторической миссии русского народа, исторического смысла существования России (важные компоненты «русской идеи») с критическим отношением и к русскому народу, ко всей России в целом (без такой критики нет *истинного патриотизма* – важнейшего компонен-

¹ О значимости этой проблемы для нашего времени образно и ярко сказал М.В. Назаров: «Русская идея приобретает сегодня особенное значение как единственная защита российского корабля в открывающемся бурном мировом океане» (Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999. С. 203–204). «Сегодня русская идея... приобретает всечеловеческий аспект... Ради этой цели стоит быть русским» (с. 211).